

МАША

ЖЕНЯ НОРСАН

Родилась и живет в Минске. В 2011 году окончила Минский государственный лингвистический университет. Работает в сфере IT. Училась на литературных курсах школы BAND. Любит писать, психологию и творчество Чарльза Буковски.

— На, ешь. Тебе нужны витамины.

Мама поставила рядом с конспектами миску, полную крупной спелой клубники, яркой и блестящей, словно бутафорской. Было жарко, и мне не очень хотелось есть, но дразнящий аромат выдал слюну. Низ живота тянуло.

Мама села на диван рядом со мной. Сегодня я смутно помню, как она тогда выглядела, помню, что она была озабочена, плотный комок озабоченности и тревоги, и я чувствовала эту тревогу, только не понимала, что это. Мне казалось, она просто злится на меня. Хочет, чтобы все было как раньше.

Я не помню, какие слова она мне говорила, не помню выражения ее лица, помню только свинцовую усталость в глазах и странную силу, которая помогала ей вставать по утрам, ходить на работу, готовить, стирать и методично вытирать пыль со всех глянцевого поверхностей в доме.

Я оканчивала третий курс университета. Сдавала экзамены. Все было буднично, размеренно и довольно посредственно. Я ходила на пары, ела в университетской столовке, много читала и курила во дворе соседнего дома в перерывах между парами.

— А вдруг я залетела?

Маша сидела на качелях. В руках сигарета. На ногах яркие босоножки на высокой платформе.

Одега с иголки: розовое поло, свободные шорты. Шоколадные волосы выются и игриво распадаются по краям ее миловидного фаянсового лица. Глаза улыбаются, искрятся, словно бенгальские огни в новогоднюю ночь.

Маша приехала в Минск из Осиповичей. Снимала комнату на окраине города. Жила без родителей.

Про таких, как Маша, говорили «душа компании», на короткой ноге со всеми заводилами университета, после пар она бежала на встречи с друзьями, в то время как я ехала домой и прилежно готовилась к семинарам. Я ей завидовала. Мои будни текли вяло. Родители ссорились, и я с головой уходила в учебу, чтобы не погружаться в безмолвную тоску, царившую у нас дома.

У Маши несколько дней была задержка. У меня тоже. Маша слегка нервничала, но улыбка не сходила с ее лица. Непринужденно она рассуждала о перспективах родить ребенка на третьем курсе университета, как будто речь шла об очередном экзамене. Я не придавала значения своей задержке, они у меня бывали месяцами — гормональные сбои тому виной.

Последнюю пару отменили. Мы не спешили домой, грелись на солнце и рассуждали о проблемах, которые, как нам казалось, можно с легкостью решить.

— Тест? — Я села на скамейку рядом с качелями.

- Отрицательный. Но, говорят, на ранних сроках может и не показать.
- А сколько задержка?
- Три дня.
- Тьфу, пустяки. Лето, жарко. Сбой. Обычное дело.
- Ну а ты что такая спокойная? Сколько ты уже ходишь? – Маша затушила сигарету.
- Две недели. Ну у меня же норма. По месяцам задержки.
- Норма нормой, а тест бы не помешало сделать.

В субботу я проснулась рано. Окна моей комнаты выходили на восток, и солнце назойливо смотрело мне в лицо. Было жарко. Родители уехали на дачу.

Я встала и пошла в душ. Жара лениво поплелась за мной.

Стоя под прохладной водой, я вспомнила слова Маши. Решение пришло внезапно, словно вылилось на мою голову из душа. Мама всегда держала пачку тестов на беременность, хранила их вместе с прокладками в шкафчике под раковиной.

Я сняла мерный стаканчик с ополаскивателя для рта и, недолго думая, в него помочилась. Трясущимися от волнения руками я распаковала тест. Легкой соломинкой он упал на полотенце. Бережно взяв его в руки, я поймала себя на мысли, что боюсь его сломать. Я тщательно изучила инструкцию на упаковке и окунула тест в мочу до тонкой линии, где заканчивалась стрелка. Он стал впитывать жидкость, медленно окрашиваясь в бледно-фиолетовый цвет.

Инструкция гласила, что тест нужно оставить на сухой поверхности – результат появится через несколько минут. Я не могла оторвать глаз от тонкой палочки и пристально следила за тем, как тест меняет свой цвет.

Появилась полоска. Она была яркой. Сердце забилось сильнее. Виски пульсировали.

Через пару миллиметров стала проявляться вторая – смотрела на меня с укором, сначала украдкой, исподлобья, но по мере того как тест высыхал, ее взгляд становился более пристальным.

Голая, я стояла в ванной и держала тест в руках. Глаза сверлили вторую линию. В голове пронеслась мысль: а вдруг я еще сплю?

Раздался звонок. Я вышла из ванной и взяла с тумбочки телефон.

- Ну что, красotka, – раздался веселый Машин голос, – я сделала тест. Можешь меня поздравить. Все гуд. Мамкой не стану.

Я держала тест в руках. Обе полоски были яркими – два сигнальных огня в тумане моей совести.

- Маш, у меня две полоски... Молчание в трубке.
- Да ты шутишь. Да ну на фиг. У тебя же задержки постоянно. Что будешь делать?
- Не знаю...

Вечером приехали родители. Тогда я им ничего не сказала. Если честно, я вообще не помню, как и когда сказала маме. Мы долго держали все в секрете от отца.

Когда отец узнает, он напьется. Будет звонить своим друзьям и в пьяной ярости во весь голос возмущаться, что все коту под хвост. Столько денег вложили в мою учебу, а я...

Я продолжала сдавать экзамены. Сессия закончилась, и я уехала на все лето на дачу. Там были осы, солнце и много клубники. Я загорала и думала о том, что внутри меня растет человек. Эта мысль была странная на ощупь, от нее мне не становилось ни грустно, ни радостно, как будто это действительно всего лишь экзамен, сдав который я вернусь к своей обычной жизни, и все будет как прежде.

Тем летом Маша уехала работать в Штаты. Она присылала мне фотографии на электронную почту (мессенджеров тогда еще не было) и в мельчайших подробностях описывала свои приключения. Познакомилась с американцем, закрутила роман. Он забавный, но ничего серьезного. Много работает, встает в пять утра. Ночью тусовки с местными. Домой как-то возвращаться не хочется. Но надо.

Я ела клубнику и отвечала ей коротко и сухо. Я ок. Самочувствие в норме. Езжу в поликлинику. Читаю.

У меня совсем не было токсикоза. Один только раз меня тошнило, и я было подумала, вот они, прелести беременности, не миновали и меня, но оказалось, что я просто переела клубники и все закончилось одним днем.

Родители приезжали после работы на дачу. Мы ужинали, и потом каждый шел в свою комнату.

Маша приехала в последних числах августа. Я перебралась в город. Мы встретились.

- Ты не пышка еще. – Маша обняла меня и посмотрела на мой живот.
- Так третий месяц всего. В первом триместре не растут.
- Я по тебе скучала.
- Врешь. Судя по письмам, тебе некогда было скучать.
- Ничего ты не понимаешь. Я думала о тебе постоянно.
- Этому я охотнее верю.

- Что Вадим? – Маша выпустила струю дыма и посмотрела мне прямо в глаза.
Я ела мороженое.
- Предложил все «уладить» и потом планировать. Говорит, поженимся и будем планировать. А то как будто это не мы решили, а кто-то за нас.
- Я так понимаю, тебя этот вариант не устроил?
- Сказала ему, что, если врач даст добро, соглашусь.
- Ты как будто не о себе говоришь. Так сразу и сдалась? Ну и что же врач?
- Нашел знакомого. Мы сходили. Там все довольно однозначно. С моими проблемами – либо сейчас, либо никогда.
- Что Вадим?
- За все лето приехал один раз... Привез клубники.
- Вот козел! А родители что говорят?
- Молчат. Отец злится. Мама мечется между нами, как между двумя огнями.
- Вер, как бы это ни звучало банально, все будет хорошо. Я тебя не брошу.

Я слишком хорошо знала Машу, чтобы воспринимать ее слова серьезно. Мы были очень разные. У нее было крепкое и уверенное «хочу». У меня – сдавливающее горло «надо». Позже я часто задавалась вопросом, как бы она поступила на моем месте, но ответа так и не нашла.

Началась учеба. Я ходила на пары и округлялась. Во втором триместре начались проблемы, угроза выкидыша, и меня положили в больницу на сохранение.

Маша приезжала ко мне почти каждый день. Мы часами сидели в зале для посетителей. Маша улыбалась своей медовой улыбкой, бурно жестикулировала и сыпала на меня градом университетских новостей.

Мама приезжала реже. Привозила бананы и сок. Неподвижно сидела рядом и смотрела на меня с немой грустью.

Когда меня выписали, я пошла в деканат и написала заявление на академический отпуск.

- Ну что, малыха, будешь отдыхать?

Маша встретила меня в коридоре. Легкими шагами, пританцовывая, она бежала на пару. На плече большая сумка. В руках книги.

Вечером я сидела в своей комнате. Родители ругались на кухне. Читать совсем не хотелось, и я смотрела в окно, думая о том, чем занять свободное время, которое у меня теперь появилось.

Ругань на кухне прекратилась. В доме стало тихо. Летний дождь барабанил по подоконнику,

отстукивая неровный ритм. Люди выпрыгивали из автобуса и, прикрываясь куртками, бежали в сторону подъездов.

Дверь комнаты приоткрылась – показалось мамино лицо. На удивление она была спокойной. Она зашла в комнату – в руках скомканная тряпочка в бледные цветочки.

- Знаешь, что это? – спросила мама, глядя на комок ткани.
- Тряпка? – неуверенно предположила я, чувствуя подвох.
- Когда-то это была твоя пеленка.

Глаза мамы наполнились слезами. Она смотрела на меня в ожидании реакции. Я смотрела на тонкий кусочек ткани и видела в нем всю материнскую заботу и любовь, которую мама не умела выразить словами.

- Мы справимся, – улыбнулась мама.

Внезапно я почувствовала толчок в живот. Впервые за все время беременности я осознала, что у меня будет ребенок. Мне стало тепло. Я была не одна.

